

А.А. Федоров-Давыдов

Жил-был мальчик

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ф33

Ф33 **Федоров-Давыдов А.А.**
Жил-был мальчик / А.А. Федоров-Давыдов – М.: Книга по Требованию, 2014. –
210 с.

ISBN 978-5-458-12627-4

Жил-был мальчик. Картинки прошлого.

ISBN 978-5-458-12627-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

— Держись!.. Рразь!..

Волей-неволей приходилось защищаться. Володя, ворча, протирая глаза, съ недовольнымъ, хмурымъ лицомъ, готовъ былъ уже заплакать, какъ вдругъ...

Ахъ!.. Я готовилъ такой мѣткій ударъ въ него маленькой „думкой“ и вдругъ промахнулся какъ-то, и подушка шлепнулась на лампадку.

Масло брызнуло на стѣну и гигантскимъ тюльпаномъ легло на обои...

Сразу всю веселость какъ рукой сняло; мы притихли, и только Володя радостно усмѣхнулся.

— Ага! Попался, братъ! Вотъ погоди, бабушка придетъ да увидитъ, задастъ тебѣ на-славу!

Утро стояло ясное, веселое, праздничное. Мѣрные удары большого колокола врывались въ полуоткрытое окно вмѣстѣ съ миролюбивымъ шелестомъ вѣковыхъ липъ нашего парка. Было какъ-то хорошо, тепло вокругъ...

А тутъ — разбитая лампадка, разлитое по полу масло, обои съ свѣжимъ маслянымъ тюльпаномъ... Господи, можетъ же такъ не повезти человѣку! И зачѣмъ я хорошенько не намѣтился въ Володю, а швырнулъ прямо сплеча. Скрыть это или прямо сознаться, геройски грудью впередъ выступить, была, не была?.. Но счастье сегодня явно покровительствовало мнѣ.

Лампадка сошла съ рукъ благополучно, потому что спѣшили отправить насъ встрѣчать „нашихъ“ на

гору. Насъ разодѣли въ ярко-пунцовыя рубашки, плисовые шаровары, и мы бросились со всѣхъ ногъ на улицу.

— Боря, Шура, Володя!.. — кричитъ бабушка. — Тише, тише!..

Но мы уже несемъ вихремъ, схватившись за руки: Боря коренникомъ, я съ Володей—пристяжками; мы гнемъ шею на сторону и выкидываемъ ноги „по-лошадиному“, и при этомъ Володя упрямо сворачивалъ въ сторону, чтобы съ наслажденіемъ топнуть ногой въ лужицу.

За овиномъ и амбарами на горкѣ было особое мѣстечко при дорогѣ, гдѣ подъ тѣнью старыхъ елей стояла скамейка; сюда мы всегда выходили встрѣчать приѣзжающихъ, потому что съ горки открывался далекій видъ; отсюда, словно на ладони, виднѣлся проселокъ больше чѣмъ на версту, какъ онъ извивался по полямъ, потомъ нырялъ въ ложбинки, вползалъ въ рощу и снова извивался дальше за рощей, пока не уходилъ въ деревню Легково.

Бывало, издали еще замѣтишь экипажъ, какъ онъ медленно выползетъ изъ-за старенькихъ избушекъ и медленно начнетъ двигаться по извивамъ дороги, и тутъ строишь тысячи предположеній, кто именно ѣдетъ и къ намъ или мимо.

Запыхались мы, покраснѣлись и сразбѣгу почти упали на скамейку.

— Ёдутъ!—крикнулъ Боря, но ошибся.

Подошла Петровна, съ
трудомъ опустилась на ска-
мейку и тоже устремила
глаза на
сѣрень-
кій про-
селокъ,
держ а
щиткомъ
руку.

— Фонтанъ непременно привезуть! — увѣренно сказалъ я.

— А телѣжку-то!—молвилъ Боря.—Папа обѣщаль, что она будетъ пахнуть дегтемъ. Вотъ кататься-то будемъ!.. Положимъ, что недолго,—скоро въ Москву надо ѣхать. Но мы ее и туда возьмемъ съ собой!..

— Ну и варенье съ кровью кстати,—говорить Володя, все еще не въ силахъ отдышаться. Онъ былъ полнѣе всѣхъ, тяжелъ на подъемъ, и мы его звали „товарнымъ поѣздомъ“.

— А вѣдь ѣдутъ господа...—сказала вдругъ Петровна.—Гляньте-ко, свѣты!..

— Гдѣ, гдѣ?—кричимъ мы и становимся съ ногами на скамейку.

И точно, изъ поселка выползаетъ маленькое пятнышко и сравнительно быстро начинаетъ подкрадываться къ березовой рощицѣ.

— Ёдутъ, ёдутъ! — кричитъ Боря, и мы пускаемся подъ гору, чтобы встрѣтить „нашихъ“ подалее отъ дому и прокатиться съ ними на тройкѣ.

— Тихе, тихе,—кричитъ Петровна,—подъ лошадей-то не попадите!.. Охъ, ты, Господи Боже мой!..

Чу!.. Колокольчикъ уже слышенъ... и вдругъ коляска вылетаетъ изъ рощи, словно окунается въ ложбинку и выносится на взлобокъ.

Вонъ Кирьянычъ на козлахъ; вонъ маминъ зонтикъ, чья-то бѣлая фуражка.

Мы, какъ разбойники, съ криками кидаемся на

коляску; Кирьянычъ волей-неволей осаживаетъ ко-ренника „Красенькаго“, и мы торжественно караб-каемся въ коляску.

— Мама, мамочка!.. Степа!..

А Степа сидитъ важный, въ „формѣ“, въ пальто со свѣтлыми пуговицами, въ фуражкѣ съ „листоч-ками“.

— Всѣ здоровы? Хорошо себя вели?—спрашиваетъ мама и заботливо, внимательно осматриваетъ насъ.

— Ничего, мамочка! Все слава Богу!..

Кирьянычъ между тѣмъ, по врожденному чувству всякаго порядочнаго кучера, внезапно начинаетъ пе-редергивать вожжами, хлещетъ кнутомъ по тройкѣ и пускаетъ пристяжныхъ въ галопъ, такъ что мы вихремъ несемъ по пыльной дорогѣ, которая идетъ между двойнымъ рядомъ старыхъ березъ вплоть до самаго дома и дальше до церкви и которую Кирья-нычъ называетъ „пришпектомъ“, вмѣсто проспекта. Колокольчикъ какъ-то особенно глухо звучитъ подъ сводомъ аллеи.

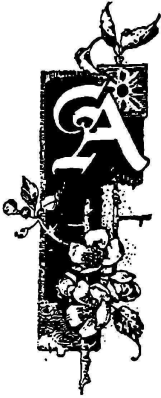
— Эхъ, вы, залетные!—покрикиваетъ Кирьянычъ, постегивая лошадей, а самъ сидитъ какъ-то бокомъ и, вѣроятно, воображаетъ себя герой-героємъ.

Изъ-за „людской“ избы выскакиваютъ наши дво-ровыя собаки „Милка“, „Подрядчикъ“, „Бишка“ и съ лаемъ кидаются за нами, словно привѣтствуютъ наше прибытіе.

А на крыльцѣ стоятъ бабушка, экономка, батюшка

отецъ Василій, нашъ управляющій. Бабушка крестится и, когда лошади, запылавшись, останавливаются у подъязда, говоритъ:

— Ну, вотъ, слава Богу, и приѣхали!

II.

ПРАВО, не знаю, почему это Степа такъ важничаетъ? Ну, да, на немъ очень красиво сидитъ сѣрая куртка, на немъ въ накидку пальто, съ блестящими пуговицами и фуражка, съ бѣлыми „листочками“. Но Степа важничаетъ и вышагиваетъ медленно, какъ-будто страшно обремененъ наукой и только-что совершилъ какой-то подвигъ.

У насъ есть запасъ новостей, и мы, чтобы заслужить его снисходительность, пускаемся въ рассказы.

— У батюшки котъ танцуетъ,—заявляетъ Боря,— батюшка играетъ на гитарѣ, а котъ пляшетъ.

— Хм!.. — говоритъ Степа, глядя подбородокъ. (Ей Богу, онъ воображаетъ, у него борода отросла, но,—честное слово,—даже пушка не видно).

— У насъ заяцъ есть, Степа... Кирьянычъ овесъ косилъ и ему лапу подрѣзалъ...—говоритъ въ свою очередь Володя.

— Да?..—милостиво переспрашиваетъ Степа.

— Мы строимъ избушку на островѣ!—выпаливаю я, но впечатлѣнія на Степу—никакого.

Рѣшительно, онъ заважничалъ.

— Да что съ тобой?—пристаемъ мы къ нему.

— У меня голова болитъ...

Всѣ старшіе взволнованы. Бабушка идетъ за мятыми каплями, чтобы помазать Степѣ виски, Петровна бѣжитъ за водой, а мама тревожно спрашиваетъ:

— А ознобъ есть? Это ты переволновался за время экзаменовъ.

На насъ и особенно на меня—никакого вниманія. Чувство горести одолѣло меня, наконецъ, но я еще крѣплюсь. Бабушка приходитъ и приноситъ капли, пеналъ съ перьями, карандашами и резинкой и всю эту прелесть преподноситъ Степѣ, какъ подобаешь всякому „ученому“ человѣку.

Это уже выше силъ!.. Ему, вниманіе, радушіе, подарки, а намъ-то что?.. Горечь подступаетъ мнѣ къ горлу.

— Пойду сейчасъ носъ себѣ расквашу,—будутъ и за мной ухаживать,—угрюмо заявилъ я Борѣ и Володѣ и пошелъ куда глаза глядятъ. Конечно, я хвасталъ и, говоря это, самъ не вѣрилъ своимъ словамъ,—расквасить носъ намѣренно — не такъ-то легко это сдѣлалъ, но надо же было показать себя.

Вообще приѣздъ Степы доставилъ намъ меньше удовольствія, чѣмъ мы воображали. Послѣ завтрака

мы потащили его съ собой повсюду. Мы бѣгали, прыгали по дорожкамъ сада, смѣялись, болтали всякую всячину, а Степа шель съ перевалкою, какъ бы нехотя, снисходительно глядя на насъ.

Избушка на островѣ не понравилась ему.

— Ребачьи глупости!—сказалъ онъ.—Это какой-то шалапъ. Надо врыть столбы, обшить тесомъ. Тогда дѣло другое.

— Ну, пойдемъ посмотримъ зайца, ты, архитекторъ! — сказалъ Володя, пуская въ ходъ свой послѣдній козырь.

— Пожалуй!..

Уныніе овладѣло нами, когда мы шли назадъ по парку. А у насъ паркъ былъ чудесный. Старыя, столѣтнія липы шли правильными, широкими аллеями; всѣ сучья ихъ тянулись къ солнцу, вырываясь изъ аллей, гдѣ всегда были легкія сумерки отъ гущины вѣтвей. Прямая аллея заканчивалась чуть видной загородкой, опоясывавшей весь паркъ. Аллеи пересѣкались, сходились, расходились, обѣгали одна другую. Посреди парка былъ большой прудъ съ островомъ, на который былъ перекинутъ фигурный мостикъ. На островѣ, бывало, зажигали фейерверкъ, и я такъ любилъ смотрѣть на отраженіе цѣлыхъ сноповъ огня, на искры, отражавшіяся въ водѣ. Противъ дома была круглая лужайка, на серединѣ которой стоялъ столбъ съ зеркальнымъ шаромъ, и мы, бывало, подбѣжимъ къ нему и любуемся на наши

уродливыя изображенія, на наши лица съ огромными, толстыми носами, да еще дразнимся самимъ себѣ языкомъ.

А вокругъ этой лужайки мы устраивали бѣга въпуски, и Володя все, бывало, отстаеъ отъ насъ,— оттого мы его и прозвали „товарнымъ поѣздомъ“. Изгородь вокругъ парка была густо обсажена рослыми елями, такъ что между ними невозможно было пролѣзть. Здѣсь, около изгороди, была знаменитая деревянная бесѣдка, — мое любимое мѣсто, гдѣ я скрывался отъ взоровъ няни Петровны и читалъ любимыя книги.

Ш.

АКЪ хотите, а Степу будто подмѣнили. На зайца онъ и не поглядѣлъ, только презрительно замѣтилъ:

— Охота вамъ всякую дрянъ держать?

Это заяцъ - то, милый, хорошенькій заяцъ — дрянъ? Положительная нелѣпость!.. Мы всѣ сразу надулись, и всѣмъ стало невообразимо скучно.

— Степа, а почему папа не приѣхалъ?—спрашиваю я вдругъ, и мнѣ совѣстно, что я папу забылъ и только теперь вспомнилъ.

— Не знаю, право. Онъ уѣхалъ куда-то... Онъ заходилъ къ намъ въ гимназію (Степа важно упираетъ

на эти слова) послѣ экзаменовъ, поздравилъ меня съ успѣхомъ и очень торопился на поѣздъ.

— А Митенька?

— Митенька нынче приѣдетъ съ вечернимъ поѣздомъ.

— Степа, да будетъ тебѣ важничать,—сказалъ я вдругъ,—ну, давай въ разбойники поиграемъ.

— Хорошо, что-жъ...

— Да нѣтъ, не такъ:—„хорошо“, „что-жъ“. А давай на самомъ дѣлѣ играть. А то что же это, право, такое, Господи!.. Какая же это игра будетъ?

Мы разбѣжались и попрытались кто гдѣ могъ. Что до меня, то я вскарабкался по отлогой соломенной крышѣ погреба на самый верхъ и тамъ притаился за трубой. Степа долженъ былъ насъ искать. Но все это кончилось ничѣмъ. Мы сидѣли, сидѣли по своимъ угламъ, а Степа словно сквозь землю провалился. Я готовъ былъ заплакать; я обидѣлся страшно, я надулся и сталъ спускаться внизъ; Боря и Володя ждали уже меня.

— Гдѣ же Степа?—спросили они меня.

— А я почему знаю. Развѣ такъ можно играть? Ну, что же изъ этого выйдетъ, скажите пожалуйста?.. Степа... Степа!..

Мы пошли его искать. Онъ сидѣлъ въ саду, на террасѣ и съ серьезнѣйшимъ видомъ перелистывалъ свой ученическій билетъ, какъ-будто это было ужасно интересно.